

**КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ
(начало 1920-х годов)**

Анализируются условия зарождения и развития кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии, влияние мероприятий новой экономической политики на развитие региональных производственных процессов.

Ключевые слова: новая экономическая политика, мелкая и кустарная промышленность, ценовая промышленность, кооперация, ценовая промышленность, национализация, промысловая кооперация, товарищество, артель, промысловый союз.

S. A. SEMINA

**HANDICRAFT-TRADE COOPERATION
IN IRKUTSK GOVERNMENT IN THE CONDITIONS
OF MULTY-FORMED ECONOMICS
(in early 1920s)**

Here we analyze the conditions of the rise and development of handicraft-trade cooperation in Irkutsk government, the influence of the new economic policy actions upon the development of the regional manufacturing processes.

Keywords: new economic policy, petty and handicraft industry, census industry, cooperation, nationalization, trade cooperation, partnership, cooperative, trade union.

Новая экономическая политика, провозглашенная X съездом партии, ознаменовала собой коренной поворот во всей хозяйственной и политической жизни страны. Замена продразверстки продналогом, внедрение принципа хозяйственного расчета в промышленности, использование товарно-денежных отношений и другие мероприятия оказывали существенное влияние на все сферы производственной и общественной жизни страны. Необходим был и новый подход к мелкой и кустарной промышленности.

В период с апреля 1921 г. по январь 1922 г. СНК принял декреты по основным видам кооперации, способствовавшие их развитию в новых условиях. Первой начала возрождаться потребительская кооперация, как главный орган товарообмена (декрет СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации») [7, с. 230, 232–233]. Важнейшее значение приоб-

рела сельскохозяйственная кооперация, которая была призвана сыграть главную роль в преобразовании деревни. Организация работы мелкой и кустарной промышленности в начальный период нэпа облегчалась всей политикой государства, стремившегося к ее развитию и поддержке.

На основе решений X съезда постановлениями ВЦИК от 14 мая 1921 г. «Хозяйственная политика ВСНХ в связи с продналогом» и СНК от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной кооперации» создавались условия для развития хозяйств кустарей и ремесленников как на преимущественно кооперативной, так и на частной основе. Решались свободная заготовка сырья, распоряжение своими изделиями, аренда мелких помещений и т.д. [11, с. 230–233]. Огромное значение для развертывания частной хозяйственной инициативы мелких промышленников имел декрет ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» [4, л. 67], который изменил критерий отнесения предприятий к ценовой промышленности. К мелким заведениям были отнесены те, которые насчитывали до 20 человек без использования механического двигателя и до 10 — с использованием двигателя. Новое положение создавало условия для вывода из национализированной промышленности массы мелких предприятий. На практике передача предприятий бывшим владельцам осуществлялась путем сдачи им в аренду ранее принадлежавших им заведений.

Большое значение в условиях новой экономической политики имел декрет от 7 июля 1921 г. «О промысловой кооперации» [4, л. 97]. По нему провозглашалось отделение кустарно-промысловой кооперации от потребительской. Трудящимся кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставлялось право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для совместного производства, равно как и для организации труда своих членов, для сбыта продуктов труда своих членов, для снабжения их материалами, инструментами и орудиями производства.

Таким образом, провозглашение нэпа послужило толчком для дальнейшего роста числа кооперативов и союзов в Сибири. В конце 1922 г. был создан Сибартельсоюз — областное объединение кустарно-промысловых союзов с 10 кустпромсоюзами. В его задачи входили всемерное развитие и поддержка кооперативного движения, а также содействие развитию промыслов.

После издания декрета ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. «О развитии промысловой кооперации» начинается быстрый рост промысловых артелей в Иркутской губернии. Развитие промкооперации здесь можно разделить на два этапа. Первый, с 1921 г. по 1926 г., характеризовался отсутствием четких разграничений между промысловыми, трудовыми, сельскохозяйственными артелями, включая рыболовецкие и охотничьи товарищества.

Второй этап наступил с момента образования Иркутского промыслового кооперативного союза, с 1926 г. С этого времени промысловый характер деятельности возникающих товариществ ставился на первый план. В промсоюз не входили артели, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, а кооперация в области охотоведения и рыболовства была выделена в самостоятельные промысловые союзы.

В первые годы нэпа многие из кооперативных объединений кустарей выполняли не только производственные, но и торгово-сбытовые функции, за счет этого данный период отличался существенным количественным ростом промысловой сети. На начало августа 1921 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 790 кустарей-одиночек и более 60 артелей. Из них на г. Иркутск приходилось 32 артели, остальные 28 на губернию [6, л. 19]. К концу 1921 г. только в объединение губернского кустарного комитета входило более 200 артелей (табл. 1) [3, л. 182].

Таблица 1

**Динамика промысловых кооперативов
Иркутской губернии с 1921 г.**

Год	Год						
	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Количество артелей	315	37	14	26	30	71	97

Чтобы стимулировать объединение мелких производителей, правительство обязывало хозяйственные органы давать преимущества кооперативным объединениям. Выражалось это в выдаче заказов, подборе помещений, приобретении инвентаря и инструментов, а также в авансировании при выдаче государственных заказов.

К примеру, в 1921 г. пошивочная артель «Игла» получала крупные заказы от совнархоза по снабжению Красной Армии. У артели «Энергия» имелся договор на заказ от государства на изготовление металлических изделий. Необходимые для работы материалы предоставлялись губкустпромом, в пользу которого шло 50 % договорной выработки [1, оп. 1, д. 410, л. 12]. Бюро кустарей-одиночек заключило договор с ГСНХ и на изготовление 1300 пар армейских сапог, на починку 500 пар и пошивку 2300 пар валяной обуви. Со второй туфельной кооперативной артелью был заключен договор на пошивку сроком на один месяц 550 пар валяной обуви, с чулочной артелью «Триумф» — на выработку шерстяных носков для армии. Жестяно-промысловая артель производила 20 тыс. армейских котелков, 10 тыс. жестяных чайных кружек, 3 тыс. баков и 6 тыс. тазов. Первая трудовая артель по механическому производству ручной обуви обязалась изготавливать 1 300 пудов различной обуви [10, с. 6]. Исключительно на заказы государственных учреждений и кооперации работала «Артель валяной обуви им. Субботина», основанная в 1924 г. в количестве 38 человек. Приобретение

сырья и сбыт продукции производились также посредством госторгов и кооперации [5, л. 18 об.].

Весьма любопытен договор с заведующим кустарным магазином при Иркутской конторе Сибкустпрома М.Ф. Якимовым. Ему предоставлялось право заключения торговых сделок на сумму до 50 тыс. р., сделки свыше этой суммы считались оптовыми и требовали письменного разрешения. За свою работу Якимов по договору должен был получать 25 % чистой прибыли [1, оп. 1, д. 560, л. 32]. Этот договор отражал принципы рыночной экономики, хотя и в ограниченном варианте, но стимулировал предприимчивость и хозяйственную инициативность.

Также широко применялась в 1921 г. практика заключения договоров об аренде помещений, оборудования и инвентаря. К примеру, в июле 1921 г. был заключен договор на передачу помещений, занимаемых обозно-слесарной мастерской при Иргубсовнархозе, в ведение артели «Энергия», находящейся в пос. Ленина. Щеточной трудовой артелью арендовано оборудование, принадлежащее ИГСНХ, сроком на 1 год с 6 % арендной платой продуктами производства. В феврале 1922 г. трудовой артели «Энергия» сдан в аренду инвентарь бывшей Иннокентьевской обозной мастерской на 1 год с 10 % платой продуктами производства — колесами, мебелью и прочим [1, оп. 1, д. 410, л. 9, 138, 143]. Всего к весне 1921 г. сибирские кустпромы вступили в производственные отношения с 859 кустарными артелями, которые объединяли около 5 тыс. артельщиков [6, л. 12–14].

Помимо стимулирования производственной деятельности кустарно-промысловых артелей Иркутской губернии в июне 1921 г. было предпринято несколько мер, направленных на улучшение условий ее развития. С момента перехода предприятий на хозрасчет Иркутский губсовнархоз стал органом регулирующим и контролирующим, а не управляющим промышленностью.

Все промышленные предприятия Иркутской губернии в соответствии с их техническим и финансовым состоянием совнархоз разделил на три группы — основные, самоснабжающиеся и сдаваемые в аренду. В первую группу вошли предприятия, имеющие большое значение в хозяйстве губернии, хорошо оборудованные, продукция которых имела устойчивый сбыт — они входили в систему общепланового государственного снабжения. К этой группе в губернии были отнесены: Усольский солеваренный завод, Иркутская обозная мастерская, кожевенные заводы № 1, № 2, № 3, сапожная, шорно-седельная мастерская, Иркутская пимокатная фабрика и другие — всего в количестве 26 единиц.

К группе самоснабжающихся предприятий отнесены те, которые остались в управлении Иркутского губсовнархоза, не снимались с государственного снабжения, производственные расходы которых покрывались за счет реализации своей продукции. Это были предприятия,

переходящие к хозрасчету: Иркутский металлический завод, кузнечные мастерские, конфетная и кофейная фабрики, деревообделочный (бондарный) завод и др.

К третьей группе были отнесены мелкие предприятия кустарного типа, предназначенные в аренду (100 единиц). При сдаче в аренду ставилась цель извлечь наибольший доход для государства и увеличить выпуск на рынок необходимых фабрикатов. Устанавливался обязательный размер отчислений, который колебался от 5 до 20 % от количества выработанных фабрикатов в зависимости от договора. В течение 1921 г. до октября в аренду было сдано 16 предприятий с общим числом рабочих на них около 300 человек [9, с. 48]. Арендаторами выступали государственные, кооперативные организации и частные лица.

Таким кооперативным объединениям, как «Игла», «Труженик», «Пионер» и др. были переданы или сданы в аренду многие кустарные денационализированные предприятия. Так, осенью 1921 г. кооперативу «Игла» был сдан в аренду овчинно-шубный завод (бывший завод Ушакова и Капустина) в г. Иркутске на предмет выделки овчин и шитья полушубков. Годовая норма выработки по договору составляла 2 тыс. полушубков [1, оп. 1, д. 410, л. 130; 10, с. 6]. Иргубсовнархозом был сдан в аренду кожевенный завод в Киренском районе, принадлежащий И.Г. Гинсбургу с сыновьями, с арендной платой в 12 % годовой выработки при норме производства 2100 чирочных и сохатинных кож. В с. Нижнеилимском также в аренду был сдан кожевенный завод сроком на 5 лет с арендной платой в 10 % со всей выработки кож. В декабре 1921 г. гончарной артели сдан в аренду гончарный завод в д. Холмушино Тайтурской волости Иркутского уезда сроком на 3 года и с арендной платой 5 % выработки всех гончарных изделий. Однако в договоре не было предусмотрено снабжение сырьем, продовольствием, орудиями производства и топливом [1, оп. 1, д. 410, л. 44, 123, 136, 137].

Всего за год (с июля 1921 по июль 1922 г.) совнархозом было сдано 32 предприятия, 9 договоров заключено по сдаче оборудования и одиночных предметов [1, оп. 1, д. 410, л. 153 об.].

Арендаторами чаще всего выступали частные лица и мелкие предприниматели — они получили 72 % предприятий, и лишь 18 % — государственные учреждения и кооперация [9, с. 54]. Таким образом, на условиях сдачи в аренду были возвращены своим владельцам кожевенные заводы Прокопьева, Брусненко (с. Усолье), Эдельмана (г. Кабанск), Аримова (г. Тулун), Емельянова (с. Кимильтей, г. Черемхово) и Уэконта (г. Балаганск). Кооперативным организациям были возвращены сапожные мастерские в Нижнеудинске, Тулуне, Кабанске, и пимокатная фабрика в Иркутске [1, оп. 1, д. 410, л. 157–158 об.]. Всего в Сибири за 1921–1922 гг. были возвращены прежним владельцам-кустарям 45 % (739) национализированных мелких предприятий [12, с. 203].

Однако за годы Гражданской войны многим предприятиям требовались капитальный ремонт, замена старого оборудования на новое. Производственное плановое обследование установило, что более половины предназначенных к сдаче в аренду предприятий работали слабо или вовсе вышли из эксплуатации. Все это приводило к тому, что одновременно со сдачей в аренду в течение 1921–1922 гг. проходил процесс разрыва договоров с арендаторами и реже — приостановка договора ввиду нарушения условий аренды и несоответствия фактическому состоянию предприятий. Так, был аннулирован договор о сдаче инвентаря, заключенный кустарно-кооперативным отделом с обзориной мастерской без ведома ГСНХ, а также ввиду несостоятельности мастерской. Отменены договоры с конфетной фабрикой, колбасной мастерской, с Забайкальской железной дорогой [1, оп. 1, д. 410, л. 153 об.].

В середине декабря 1921 г. весь комплекс предприятий, подчиненных Иркутскому губсовнархозу, снимался с государственного снабжения, утверждался максимальный процент отчислений от валовой продукции для заработной платы, для содержания складов и подсобных предприятий, на транспортные расходы. Следовательно, предприятия, в том числе и мелкие, получали самостоятельность как в реализации своей продукции, так и в заготовке сырья, топлива и полуфабрикатов. Но многие из них продолжали испытывать сильную зависимость в обеспечении заказами, сырьем, сбыте продукции от кустарно-кооперативных управлений совнархозов, которые не были заинтересованы в организационно-хозяйственном укреплении промысловой кооперации. Формы и методы Сибкустпрома, сформировавшиеся в годы военного коммунизма, вступали в противоречие с задачами кооперативного движения.

Привыкшие работать по краткосрочным заказам Главкустпрома и его местных управлений, кустари, объединившись в артель, воспринимали промысловый союз как временного партнера. Через 3–5 месяцев, выполнив договорные обязательства, промысловая артель распадалась. Сами промысловые союзы еще не располагали достаточной материальной базой и финансами, опытом организационной работы, что вызывало у кустарей чувство неуверенности.

Материалы табл. 2 [2, оп. 1, д. 249, л. 10] показывают, что к началу 1922 г. четверть образованных в 1921 г. артелей ликвидировалась. Причем большая часть ликвидированных артелей находилась в г. Иркутске, где было много кустарей-одиночек, работающих на заказ, и все попытки объединить их без хорошо налаженной системы сбыта и снабжения привели к кратковременной деятельности многих артелей.

В меньшей степени ликвидация промысловых артелей коснулась сельских местностей и центров, где сохранялись торговые и обменные операции. Устойчивость многих промысловых артелей объяснялась отраслевой спецификой, связанной с наличием местного сырья, и истори-

ческой преемственностью развития данных районов. К примеру, если Усолье и его окрестности несколько десятилетий являлись центром кожевенного производства, где проблемы закупа и сбыта сырья выполняли скупщики, то с кооперативной формой организации производства потребность в скупщиках не уменьшилась. Они по-прежнему поставляли сырье промысловым артелям на условиях сдачи им готовой продукции.

Таблица 2

**Количество зарегистрированных кустарно-промысловых артелей
в Иркутской губернии в 1921–1922 гг.**

Год	Всего	Из них находятся		Ликвидировано				Остается формально действовать		
		В Иркутске	В остальной части губернии	Всего	%	В Иркутске	В остальной части губернии	Всего	В Иркутске	В остальной части губернии
1921	300	222	78	76	25	69	7	224	153	71
1922	39	28	11	6	15,3	5	1	33	23	10
<i>Всего</i>	339	250	89	82	100	74	8	257	176	81

Если за год (1921/1922) количество ликвидированных артелей в Иркутске составило 69 единиц, то в остальной части губернии — семь (см. табл. 2). Однако причин недееспособности кустарных объединений было несколько. Самоликвидация многих артелей происходила из-за слабой финансовой базы, недостатка оборотных средств, неустойчивости кредитования, не заключения договоров с совнархозом, малочисленного состава.

Производство многих кустарно-промысловых артелей по актам обследования ревизионных комиссий признавалось убыточным. На самом деле большинство из них скрывали свои полные доходы, зачастую не имея ни финансовой отчетности, ни уставов. Среди таких были Рютинская артель по производству кожевенных изделий, Яндинская трудовая артель мыловаров и др. [2, оп. 1, д. 359, л. 1, 2].

Наибольшее количество оставшихся формально действовать кустарно-промысловых артелей концентрировалось в Иркутском, Заларинском, Тулунском и Балаганском районах — давних центрах развития кустарного производства. Основная масса мелких производителей, объединенных в производственные артели, находилась в городах, где сосредотачивалась торговые и обменные операции. Всего на 15 июля 1922 г. в ведении Иркутского губернского союза кооперативов осталось 24 кустарно-промысловых артели с общим количеством 511 человек и 13 сельскохозяйственных артелей — всего 37 объединений.

При относительно успешном старте переход промысловой кооперации от военного коммунизма к нэпу был осложнен рядом обстоятельств. Если в 1919–1920 гг. заявками фронта гарантировались сырье, материалы, топливо, то в период нэпа ударный характер работ для Красной

Армии смягчился, следовательно, начали возникать сложности в снабжении сырьем, финансово-расчетных операциях, обусловленные переходом на новые методы хозяйствования.

С начала 1924 г. в развитии кустарно-промысловой кооперации Сибири вновь наметилось оживление, вызванное налоговыми льготами, расширением кооперативного демократизма, утверждением принципа добровольности при вступлении и выходе из членов артели. Декретом ВЦИК и СНК от 7 декабря 1923 г. «О промысловом налоге» от уплаты промыслового налога освобождались члены артелей, работающих в общей мастерской, а также артели с полугодовым оборотом менее 10 тыс. р. [8, с. 404–405]. Размер промыслового налога снижался на 50 %, если артель сбывала изделия только своего производства, и на 25 % — изделия посторонних лиц, некооперированных кустарей. Большие налоговые льготы были для артелей, входящих в кооперативные союзы, они либо освобождались от налога, либо оплачивали только патент, избавляясь от уравнительного сбора.

Началось интенсивное развитие ряда отраслей, чья продукция пользовалась широким спросом на деревенском рынке. Это изделия из кожи, сельскохозяйственные машины и орудия, железо, стекло. Важную роль в формировании рыночного товарного фонда продолжали играть кустарные промыслы. В 1923–1924 гг. по стране примерно 80 % продукции кустарно-ремесленной промышленности шло на удовлетворение запросов населения, в то время как крупная промышленность на потребление населения направляла менее половины своих изделий (47 %) [13, с. 96].

Спрос на кустарные товары был велик, но без организации сбытовых операций он не мог быть полностью удовлетворен. Разрозненная деятельность отдельных артелей и кустарей не могла закрепить за мелким производством рынков сбыта. Всего в губернии к 1925 г. было более 7 тыс. кустарей-одиночек. Часть из них объединяло Иркутское бюро кустарей, которое представляло собой сохранившуюся еще с дореволюционных времен ремесленную управу. Возникла потребность в организации общего снабжения и создании мощного хозяйственного органа, а именно кустарно-промыслового кооперативного союза. С его деятельностью связан второй этап промысловой кооперации Иркутской губернии, охвативший вторую половину 1920-х гг.

Таким образом, история промысловой кооперации Иркутской губернии начала свое развитие с первых декретов периода нэпа. В своем становлении она пережила два периода, отличающихся по внутреннему социально-экономическому содержанию. Первый период, с 1921 по 1926 г., характеризовался отсутствием четких разграничений между промысловыми, трудовыми, сельскохозяйственными артелями, включая в промысловую сеть рыболовецкие и охотничьи товарищества. Ввиду отсутствия целенаправленной деятельности в области кредитования,

снабжения необходимыми материалами и сырьем, сбыта готовой продукции данный этап развития отличался противоречивостью. Выражено это было как в бурном росте промысловых артелей, так и в резком их сокращении. Второй этап в развитии промкооперации губернии наступил с момента образования Иркутского промыслового кооперативного союза (1926 г.) и включением его в производственный план и систему государственного кредитования.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-11 (Фонд Иркутской губернской рабоче-крестьянской инспекции и ее уполномоченных по уездам. 1920–1926 гг.).
2. ГАИО. — Ф. р-222 (Фонд Иркутского губернского союза кооперативов («Иргубсоюз»). 1916–1930 гг.).
3. ГАИО. — Ф. р-836 (Фонд Иркутского окружного отделения Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. 1927–1930 гг.) — Оп. 1 — Д. 201.
4. ГАИО. — Ф. р-1422 (Фонд Ленского союза кооперативов. Ленское районное отделение Иргубсоюза кооперативов. 1916–1925 гг.) — Оп. 2. — Д. 72.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 1 (Фонд Иркутского губернского комитета. 1920–1926 гг.) — Оп. 1. — Д. 2644.
6. ГАНИИО. — Ф. р-1299 (Фонд Иркутского губернского совета профессиональных союзов. 1919–1925 гг. Фонд № р-1299). — Оп. 1. — Д. 10.
7. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928. — М. : Политиздат, 1957. — Т. 1. — 880 с.
8. Законы о кооперации / Сост. М. А. Долматовский. — М., 1924. — 403 с.
9. Иркутский губернский совет народного хозяйства (1920–1922) : Док. и материалы. — Иркутск : Кн. изд-во, 1959. — 114 с.
10. Иркутский рабочий. — 1921. — 26 сент.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928 гг. — М. : Изд-во полит. лит., 1967. — Т. 1. — 765 с.
12. Сибирский революционный комитет (Сибревком) : сб. док. и материалов. — Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. — 485 с.
13. Соколов М. П. Сельские кустари Восточно-Сибирских округов (по обследованию 1925 г.) / М. П. Соколов, А. Т. Самохин. — Иркутск, 1927. — 122 с.

Информация об авторе

Семина Снежана Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук и истории права, Восточно-Сибирский институт экономики и права, 664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а, e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru.

Author

Shezhana A. Semina — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Humanities and Law History, East-Siberian Economics and Law Institute, 258a Baikalskaya St., Irkutsk, 664057, e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru.